

3. Исаев Г. Г. Загадка А. Кусикова: творчество поэта в зеркале судьбы / Г. Г. Исаев. – Астрахань : Изд. дом «Астраханский университет», 2012.
4. Литературные манифесты от символизма до наших дней / сост. и предисл. С. Б. Джимбинова. – М. : XXI век : Сogласие, 2000.
5. Ляпина Л. Е. Циклизация в русской литературе XIX в. / Л. Е. Ляпина. – СПб., 1999.
6. Поэты-имажинисты / сост., подгот. текста, биограф. заметки и примеч. Э. М. Шнейдермана. – СПб. : Петербургский писатель, 1997.
7. Соловьев Вл. Буддийское настроение в поэзии / Вл. Соловьев // Вестник Европы. – 1894. – № 5.
8. Тернова Т. А. Жанр как парадокс: модели маргинального жанрообразования в русском имажинизме / Т. А. Тернова. – Вестник ВГУ. – 2010. – № 1. – Серия: Филология. Журналистика.
9. Тынянов Ю. Н. Пушкин и его современники / Ю. Н. Тынянов. – М., 1968.

References

1. Abramovich N. Sovremennaja lirika: Kljuev, Kusikov, Ivnev, Shershenevich. – Riga, 1920.
2. Esenin S. Sobranie sochinenij : v 5 t. – Moscow : Gosudarstvennoe izdatel'stvo hudozhestvennoj literatury, 1962. – T. 3. Stihotvorenija i pojemy (1924–1925).
3. Isaev G. G. Zagadka A. Kusikova: tvorcestvo pojeta v zerkale sud'by. – Astrakhan : Izd. dom “Astrahanskij universitet”, 2012.
4. Literaturnye manifesty ot simvolizma do nashih dnejj / sost. i predisl. S. B. Dzhimbinova. – M. : XXI vek : Soglasie, 2000.
5. Ljapina L. E. Ciklizacija v russkojj literature XIX v. – SPb., 1999.
6. Pojety-imaghinisty / sost., podg. teksta, biograf. zametki i primech. Je. M. Shnejdermana. – SPb. : Peterburgskij pisatel', 1997.
7. Solov'ev Vl. Buddijskoe nastroenie v poezii // Vestnik Evropy. – 1894. – № 5.
8. Ternova T. A. Zhanr kak paradoks: modeli marginal'nogo zhanroobrazovanija v russkom imazhinizme // Vestnik VGU. – 2010. – № 1. – Serija: Filologija. Zhurnalistika.
9. Tynjanov Ju. N. Pushkin i ego sovremenniki. – M., 1968.

СУБЪЕКТИВНО-ОЦЕНОЧНАЯ МОДАЛЬНОСТЬ И КАТЕГОРИЯ ДОСТОВЕРНОСТИ В «МЕМУАРАХ» ФИЛИППА ДЕ КОММИНА

Ткачева Татьяна Акимовна, кандидат филологических наук, Астраханский государственный университет, 414056, Россия, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а, e-mail: tatiana.tcka4eva@yandex.ru

Целью статьи является определение понятия субъективно-оценочной модальности с позиции оценки достоверности и анализ средств ее выражения в историографическом тексте. Рассматривается роль категории достоверности в становлении мемуарного жанра. На основе анализа некоторых языковых средств выражения этой текстовой категории в «Мемуарах» Филиппа де Коммина выявляется ее градуированный характер.

Ключевые слова: категория достоверности, субъективно-оценочная модальность, прагматический аспект текста, мемуарный текст, средства выражения субъективной модальности.

SUBJECTIVE-ESTIMATED MODALITY AND A RELIABILITY CATEGORY IN PHILLIP DE KOMMIN'S "MEMOIRS"

Tkacheva Tatyana A., Candidate of Philology, Astrakhan State University, 414056, Russia, Astrakhan, 20a Tatishchev St., e-mail: tatiana.tcka4eva@yandex.ru.

Article purpose is definition of concept of an is subjective-estimated modality from a position of an estimation of reliability and the analysis of means of its expression in the historiographic text. The role of a category of reliability in formation of a memoirs genre is

considered. On the basis of the analysis of some language means of expression of this text category in Phillip de Kommin's "Memoirs" comes to light its graduated character.

Key words: a reliability category, an is subjective-estimated modality, pragmatic aspect of the text, the memoirs text, means of expression of a subjective modality.

Категория достоверности рассматривается нами как коммуникативная категория, являющаяся одной из основных составляющих прагматики текста и предложения. Прагматический аспект является особенно важным, если речь идет о средствах выражения этой категории в тексте мемуарного жанра, в частности, в его разновидности, относящейся не к автобиографии, а к описанию современной истории. Оценка достоверности в подобных текстах вытекает из сопоставления прагматической установки всего текста (вид текста, его назначение, жанр) и прагматической установки автора, которая, объединяясь с общей прагматической установкой, вносит определенный субъективный компонент авторского отношения к сообщаемому [3, с. 15].

Первым текстом, ставшим образцом мемуарного жанра в западноевропейской историографии, стали «Мемуары» Филиппа де Коммина. Филипп де Коммин принял написание своих «Мемуаров» по просьбе архиепископа Вьеннского, известного под именем Анджело Като. Стремление быть предельно объективным и в то же время избирательность и субъективность человеческой памяти приводят автора «Мемуаров» к необходимости постоянно оценивать степень достоверности сообщаемых фактов, что придает тексту «Мемуаров» ярко выраженную субъективно-модальную окрашенность.

Перед тем как перейти к анализу средств выражения категории достоверности в тексте «Мемуаров» Филиппа де Коммина, рассмотрим, как формировалось в отечественной лингвистике понимание достоверности как основного компонента субъективно-оценочной модальности.

Уже из вышесказанного понимания прагматического аспекта текста следует, что субъективно-оценочная модальность текста, будучи выражением прагматической установки автора, соотносится с объективной модальностью текста, которая выражает, в свою очередь, прагматическую установку всего текстового пространства, являющегося высшей коммуникативной единицей языка.

Модальность – это универсальная функционально-семантическая категория, присущая любому высказыванию. Суть ее состоит в отношении говорящего к действительности. Одним из первых концепцию модальности сформулировал Шарль Балли. По его мнению, в любом высказывании выявляются два блока составляющих – диктум и модус. Диктум – предметно-логическое содержание высказывания – соотносится с описанием некоторой ситуации, модус отражает отношение описанной ситуации к действительности, а также выражает интеллектуальное, эмоциональное или волевое суждение говорящего в отношении диктума. Модальность трактуется Ш. Балли как синтаксическая категория, в выражении которой первостепенную роль играют модальные глаголы [1, с. 46]. По словам Ш. Балли, «речь – это язык фантазии, чувства и воли, язык, пронизанный субъективностью и несущий отпечаток личности говорящего» [1, с. 52]. В.В. Виноградов считал модальность субъективно-объективной категорией и называл ее неотъемлемой частью предложения, его конструктивным признаком. «Любое целостное выражение мысли, чувства, побуждения, отражая действительность в той или иной форме высказывания, облекается в одну из существующих в данной системе языка интонационных схем предложения и выражает одно из тех синтаксических значений, которые в свой совокупности образуют категорию модальности» [4, с. 55].

В современной лингвистике, особенно в связи с антропоцентричностью лингвистических исследований, модальность как языковая категория получила широкую и не всегда однозначную трактовку. И.Р. Гальперин в своей книге «Текст как объект лингвистического исследования» отстаивает точку зрения, впервые высказанную в «Грамматике современного русского языка», вышедшей в 1970 г., о делении категории модальности на два вида значения: объективно-модальное и субъективно-

модальное. Ученый считает, что введение субъективно-модального значения в общую категорию модальности является важным этапом в расширении рамок грамматического анализа предложения, будучи применимым как к высказыванию, так и к тексту. Автор книги также полагает, что субъективно-оценочная модальность, в отличие от модальности как общей категории предложения и текста не является обязательным атрибутом высказывания или текста. Более того, как отмечает И.Р. Гальперин, бесстрастность, логичность, аргументированность не должны оставлять места субъективно-оценочной модальности в текстах, претендующих на научность, а, значит, на объективность [5, с. 115]. В своем исследовании мы больше склоняемся к точке зрения Е.И. Беляевой, утверждающей, что четкой границы между субъективным и объективным значениями установить невозможно, поскольку любое высказывание является лишь отражением представления субъекта речи в языковых формах, выбор которых субъект осуществляет в зависимости от коммуникативной установки [2, с. 65]. Таким образом, языковая модальность онтологически всегда несет в себе значение субъективности.

Тем не менее, выделение в категории модальности объективно-модального и субъективно-модального значения имеет основание, если критерием субъективной модальности считать формальное выражение говорящим своего отношения к сообщаемому или своей оценки степени достоверности содержания высказывания. Вслед за В.З. Панфиловым мы считаем, что при определении объема и характера модальных значений необходимо исходить из функционально-семантического представления о модальности как грамматической категории, в основе которой лежит оценка. Так, согласно определению В.З. Панфилова, субъективно-оценочная модальность «выражает оценку со стороны говорящего степени познанный объективных связей, наличных в той или иной ситуации связей, то есть она указывает на степень достоверности мысли, отражающей данную ситуацию» [8, с. 74]. При этом субъектом модальной оценки является говорящий, объектом – различные аспекты отношения содержания высказывания к действительности, средством оценки – языковые единицы, принадлежащие к различным уровням языка: морфологическому, синтаксическому, лексическому, просодическому, а также комбинации этих средств [2, с. 65].

Е.Н. Орехова в специальном исследовании, посвященном субъективной модальности как языковой текстовой универсалии, определяет эту функционально-семантическую категорию как способность говорящего критически осмысливать свою речь в отнесении к действительности, к своим знаниям, эмоциям, оценкам, к речевой ситуации [6, с. 3]. Подчеркивая многоаспектность, иерархичность, полевую структуру категории субъективной модальности, Е.Н. Орехова называет выражение говорящим достоверности/недостоверности ядерным значением данной категории. По мнению Е.Н. Ореховой, это значение имеет градуированный характер, эксплицируя различную степень уверенности говорящего в содержании высказывания. В то же время данное значение часто осложняется эмоциональными оттенками опасения, упования, удивления, предостережения, насмешки, иронии и другими, что указывает на его сопряженность с полем эмотивности [6, с. 3, 27]. Градуированный характер субъективно-модального значения достоверности/недостоверности в исследовании Е.Н. Ореховой представлен в виде условной шкалы – модальной шкалы степеней достоверности, противоположные зоны которой образуют значения категорической достоверности (подчеркнутой уверенности говорящего в истинности сообщаемого) и проблематической достоверности (сомнения, предположения, допущения, мнимости) [6, с. 3, 27].

Градуированный характер значения достоверности является одним из признаков, отличающим достоверность от истинности. Истина инвариантна, она не зависит от субъекта познания и речи, являясь одной для всех, следовательно, она не может иметь градации. Так, Н.Н. Панченко утверждает, что в отличие от поляризованной, неградуированной истинности достоверность подвергается градации по степени полноты истинной информации от нуля или минимальной степени достоверности до максимальной, отражающей не только пропорции истинного/неистинного, степень пол-

ноты достоверности, но количественный показатель, имеющийся в распоряжении субъекта информации, соответствующей действительности [9, с. 135].

Неоспоримым является и тот факт, что истинность как логическая категория не соотносится с прагматическими факторами, тогда как достоверность является характеристикой мыслительной деятельности субъекта, это прагматическая категория, обусловленная фактором присутствия в коммуникации носителя истины [9, с. 133].

Таким образом, достоверность, будучи одним из субъективно-модальных значений, является прагматической и коммуникативной категорией текста.

Возникновение мемуаров связано с появлением потребности в историческом повествовании, не преломленном через авторитет, когда свидетельство очевидца или участника событий приобретает отдельную ценность именно как личное свидетельство, выделяется из общего исторического повествования. И. Фрайман считает, что потребность читателя в подобном роде текстов способствует появлению в системе культуры специфической мемуарной функции. Функция мемуаров заключается в удовлетворении потребности в индивидуализированной и достоверной исторической информации. Установка на достоверность является обязательной для мемуарного текста, так как функция мемуаров состоит также в том, чтобы служить историческим источником [10]. Вместе с тем, воспоминания – это не только беспристрастная фиксация событий прошлого, это и исповедь, и оправдание, и обвинение, и раздумья личности, поэтому мемуары, как никакой другой документ, субъективны. Субъективность мемуаров является их объективным признаком, так как они несут на себе отпечаток личности автора.

Характерной особенностью «Мемуаров» Ф. де Коммина как нового историографического жанра явился тот факт, что впервые в отличие от хронистов автор намеревается не прославлять деяния короля, а писать о нем только объективные факты, не имеющие отношения к восхвалению. Так, в Прологе, говоря о том, что о короле он собирается писать только чистую правду, которая не всегда может служить королю похвалой, Коммин использует очень гибкую тональность, вводя в речь модальные глаголы в условном наклонении, исключающие категоричность: *Et pour ce que je ne vouldroye point mentir, so pourroit faire que, [en] quelque endroit de cest escript, se pourroit trouver quelque chose qui du tout ne seroit à sa louenge* (Я хотел бы ни в чем не отступать от истины, и поэтому может статься, что где-нибудь в этом сочинении будет сказано о короле нечто, не заслуживающее похвалы).

Однако в пятой книге своих «Мемуаров» он уже более резко противопоставляет себя хронистам: *Les cronicqueurs n'escripvent que les chouses à louenge de ceulx de qui ilz parlent, et taisent plusieurs chouses, ou ne les scavent pas aulcunes fois la verité et je me delibere de ne parler de chose qui ne soit vraie et que je n'aye veue ou sceue de si grans personnaiges qu'i soient dignes de croire* [13, p. 224] (Хронисты обычно пишут лишь то, что служит в похвалу тем лицам, о которых они говорят, и о многом умалчивают или же подчас не знают правды. А я решил невзирая на лица говорить только о том, что истинно и что видел сам или узнал от достаточно важных персон, которые достойны доверия).

Повествование Коммина, действительно, подкупает ощущением простоты, правдивости и достоверности, которое оно вызывает у читателя. Это подтверждают многочисленные литературные критики, писатели и издатели, среди которых Мишель Монтэн, Огюст Сэнт-Бев, Эмиль Фаге, Бернар де Мандро, Жоель Бланшар, Жан Дюфурне и др. Сэнт-Бев, называя книгу Коммина завершённой историей своего времени, характеризует его рассказ как памятник наивности, правдивости и утонченности («un monument de naïveté, de vérité et de finesse»), который можно считать началом политической истории [15, p. 243]. Другой литературный критик начала XX в. Эмиль Фаге также отмечает способность Коммина передавать в своем рассказе ощущение правды и достоверности, которое охватывает читателя с первых страниц и держит на протяжении всего повествования: «*Les batailles où il a assisté, les pays qu'il a traversé, les villes qu'il a vues, les hommes avec qui il a causé, voilà son livre. Dès que les nécessités mêmes de son récit l'entraînent un peu au delà, ce qu'il ne leur accorde qu'à*

peine, il prévient, se garde, se précautionne, et meme se recuse. De là cet accent de vérité et cette couleur de réalité qui frappent tout d'abord et qui retiennent quand on lit Comtynes» [14, p. 27]. Вместе с тем, как справедливо отмечает И.Р. Гальперин, в литературоведческих трудах редко уделяется внимание анализу текстообразующих сторон произведения, «они берутся как данности, на основе которых делаются заключения, порой глубоко верные» [5, с. 119]. Литературоведческие анализы, чутко и точно характеризуют сдержанную тональность и эффект достоверности в повествовании Коммина, не выявляют конкретные языковые средства, с помощью которых выражается это субъективно-модальное значение. Задача лингвистического исследования текста состоит в том, чтобы выявить и систематизировать языковые средства, формирующие основные для данного произведения текстовые категории.

Исследование и анализ употребления наклонений в тексте мемуарного жанра может занять достаточно большой объем, тем более что использование наклонений во французском языке XV в. отличается от современной нормы французского языка. Для иллюстрации сказанного приведем лишь некоторые языковые и структурно-композиционные средства, которые, на наш взгляд, служат для выражения оценки достоверности сообщаемых фактов. К ним относятся обращения, которые мы будем называть эксплицитной адресованностью к заказчику мемуаров или будущим читателям, формы передачи чужой речи, синтаксические конструкции с превосходной степенью, а также использование Коммином глаголов субъективного восприятия (*croire, penser, sembler, veoir, ouïre etc.*).

В Прологе, который является главным композиционным элементом, выражающим прагматическую установку как всего текста, так и лично автора на достоверность изложения, мы находим два из указанных выше языковых средств оценки достоверности. В Прологе Коммин четко определяет цель своих воспоминаний: *Monseigneur l'archevesque de Vienne, pour satisfaire à la requeste qu'il vous a plu me faire de vous escrire, et mettre par mémoire ce que j'ai sçu et connu des faits du feu roy Louis onzième, à qui Dieu fasse pardon, notre maistre et bienfaicteur, et prince digne de très-excellente mémoire, je l'ay fait le plus près de la vérité que j'ay pu et sçu avoir la souvenance* [12, p. 40] (*Монсензор архиепископ Вьеннский, удовлетворяя Вашу просьбу, с кою Вы соблаговолили ко мне обратиться, – вспомнить и описать то, что я знал и ведал о деяниях короля Людовика XI, нашего господина и благодетеля, государя, достойного самой доброй памяти (да помилует его господь!), я изложил как можно ближе к истине все, что смог и сумел вспомнить*).

Первая фраза Пролога «Мемуаров» не только определяет прагматическую установку на достоверность воспоминаний, но и содержит один из способов ее реализации: номинация авторитетного адресата, который был современником автора и свидетелем многих фактов, описываемых в «Мемуарах». Языковая репрезентация адресованности в форме эксплицитного обращения к архиепископу Вьеннскому способствует реализации стремления Коммина к достоверности и объективности изложения. Обращение к Анджело Като присутствует не только в Прологе, но и на протяжении семи последующих книг «Мемуаров», создает атмосферу доверительного разговора с почтенным и очень образованным собеседником, который не позволит исказить правду.

Прямое обращение к архиепископу как к свидетелю становится особенно необходимым и действенным способом подтверждения истинности фактов и снижению субъективного восприятия, если Коммин упоминает об отношении короля к собственной персоне: *Et avant que se seoir a table, m'en dist quelques paroles car comme vous scavez, Mons' de Vienne, nostre Roy parloit fort priveement et souvent a ceulx qui estoient plus prochaines de luy, comme j'etoie lors, et d'autres depuis, et ay moit parler en l'oreille* [13, p. 62].

Рассказ-воспоминание о событиях, в которых Анджело Като сам участвовал, становится убедительным, достоверным и непосредственным благодаря прямому обращению Коммина к архиепископу: *Pour revenir audit duc de Bourgongue, (...) il avoit*

sejourné a Lozanne en où vous, Monsr de Vienne, le servistes de bon conseil en une grand maladie [13, p. 154].

Ответственность перед заказчиком за правдивость и достоверность изложения воспоминаний, а также статус, авторитет и образованность архиепископа Вьеннского являются регулирующим фактором в выборе Коммином языковых форм и выражений, которые создали неповторимый стиль. Коммин никогда не был искушен в изящной словесности, но зато был опытным дипломатом и политиком и прекрасно владел французским языком. Регулярное обращение к архиепископу Вьеннскому позволяет сохранять автору сдержанную тональность, почтительный тон при описании любых исторических персон, даже непримиримых врагов. При этом его изложение сохраняет простоту и непосредственность, свойственную обычной коммуникации, чему во многом способствует эксплицитная адресованность.

Серьезным субъективным фактором при изложении достоверной информации является память автора мемуаров, на что Коммин сам обращает внимание в первой фразе Пролога: *...je l'ay fait le plus près de la vérité que j'ay pu et sçu avoir la souvenance* (я изложил как можно ближе к истине все, что смог и сумел вспомнить).

Практически абсолютная достоверность сообщаемого, выражаемого превосходной степенью *le plus près de la vérité*, ограничивается возможностями памяти мемуариста, что обозначено второй частью суперлативной конструкции: *que j'ay pu et sçu avoir la souvenance*.

В порождении мемуаров участвуют, как отмечает Н.А. Орлова, такие когнитивные механизмы как психическое отражение прошлого взаимодействия человека с действительностью, способность хранить информацию и избирательно ее актуализировать, ассоциативное всплывание образов, воспроизведение воспоминаний в порядке от общего к частному, диссоциация различных временных «я» личности автора-мемуариста [7, с. 9].

Следуя установке, изложенной в Прологе, Коммин повествует лишь о том, очевидцем чего он был или слышал от непосредственных свидетелей описываемых событий, постоянно предупреждая об этом читателей. Следствием этого является чрезвычайная частотность глаголов *veoir* (видеть) и *ouïr* (слышать), существительное *veue* (вид, увиденное): *J'ai veu beaucoup d'exemples de ceste matière à l'œil, et ne parle pas par oyr dire* [12, p. 166]; *...et de cecy parle de veue* [12, p. 194]; *Et ne conte pas ces choses por donner charge à celui ou ceux dont j'ay parlé, mais seulement pour dire les chouses comme les ay veu advenir* [12, p. 362]. Использование глагола *veoir* и его производных в перечисленных примерах является гарантом достоверности передаваемой информации.

При передаче чужой речи Коммин, как правило, использует косвенную речь, которая позволяет мемуаристу передавать обширные высказывания в более сжатой форме, выделяя основную информацию. При этом на первое место в содержании информации выходит понимание и восприятие автором чужих слов, что является субъективным фактором. Прямая речь используется Коммином в том случае, когда мемуарист хочет особенно подчеркнуть достоверность высказывания, имеющего большое значение для описываемых им событий. Так, в эпизоде заключения перемирия между королем Франции Людовиком XI и английским королем Эдуардом IV Коммин передает в форме прямой речи слова французского короля, подчеркивая торжественность момента, а главное – дипломатическую искусность короля, и в форме косвенной речи ответ английского короля, акцентируя внимание на его очень хорошем французском, что не менее важно и дает больше информации, чем передача его слов в прямой речи: *Le Roy commença la parole et luy dist: «Monsr mon cousin, vous soyés le tres bien venu. Il n'y a homme au monde que je desirasse tant a veoir que vous, et loue fort Dieu de quoi nous sommes cy assemblez a ceste bonne intention».* *Le roy d'Angleterre respondit a ce propoz en assez bon françoys* [13, p. 94].

Краткий анализ средств выражения категории достоверности в «Мемуарах» Филиппа де Коммина позволил увидеть прямую зависимость степени достоверности от субъективно-оценочной модальности, неизбежно проявляющейся в повествовании

мемуариста. Чем более ярко выражена субъективно-оценочная модальность, тем отчетливее перед читателем проявляется образ самого мемуариста, фигура которого в истории не менее интересна, чем описываемые им события. И.О. Шайтанов, очень тонко заметил по поводу достоверности в мемуарах, что субъективная точность впечатления не только не противоречит достоверности, но даже способна искупить многое, по крайней мере, мелкие фактографические упущения или погрешности [11, с. 65].

Список литературы

1. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. – М. : Изд-во иностр. лит., 1955. – 416 с.
2. Беляева Е. И. Модальность в разных типах речевых актов / Е.И. Беляева // Филологические науки. – 1987. – № 2. – С. 64–68.
3. Валгина Н. С. Теория текста : учеб. пос. / Н. С. Валгина. – М. : Логос, 2003. – 279 с.
4. Виноградов В. В. О категории модальности и модальных словах в русском языке / В. В. Виноградов. Избранные труды: Исследования по русской грамматике. – М., 1975. – С. 55–58.
5. Гальперин И. Р. О понятии «текст» / И. Р. Гальперин // Вопросы языкознания. – 1974. – № 6. – С. 67–72.
6. Орехова Е. Н. Субъективная модальность высказывания: форма, семантика, функции : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Е. Н. Орехова. – М., 2010. – 44 с.
7. Орлова Н. А. Речевой жанр «мемуары» и его реализация в текстах носителей разных типов речевой культуры : дис. ... канд. филол. наук / Н. А. Орлова. – М., 2005. – 212 с.
8. Панфилов В. З. Категория модальности и ее роль в конституировании структуры предложения и суждения / В. З. Панфилов // Вопросы языкознания. – 1977. – № 4. – С. 39–52.
9. Панченко Н. Н. Достоверность как коммуникативная категория : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Н. Н. Панченко. – Волгоград, 2010. – 41 с.
10. Фрайман И. Русские мемуары в историко-типологическом освещении: к постановке проблемы / И. Фрайман // Ruthenia. Объединенное гуманитарное издательство. Кафедра русской литературы Тартуского университета – Режим доступа: <http://www.ruthenia.ru/document/422973.html>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
11. Шайтанов И. О. «Непроявленный жанр» или литературные заметки по мемуарной форме / И. О. Шайтанов // Вопросы литературы. – 1979. – № 2. – С. 50–77.
12. Commynes Ph. de. Mémoires : Livres I–III / Ph. de Commynes // Présentation et traduction par Jean Dufournet. (Edition bilingue). – P. : Flammarion, 2007. – 452 p.
13. Commynes Ph. de. Mémoires : Livres IV–VI / Ph. de Commynes // Présentation et traduction par Jean Dufournet. (Edition bilingue). – P. : Flammarion, 2007. – 560 p.
14. Faguet E. Seizième siècle: études littéraires / E. Faguet. – P. : Lécène, Odin et Cie, Editeurs, 1894. – 457 p.
15. Sainte-Beuve C.-A. Causerie de lundi / C.-A. Sainte-Beuve. – P. : Garnier Frères, Librairies-Editeurs, 1857. – 475 p. – T. I.

References

1. Balli Sh. Obwaja lingvistika i voprosy francuzskogo jazyka [General linguistics and French questions]. Moscow, 1955. 416 p.
2. Beljaeva E.I. Modal'nost' v raznyh tipah rechevyh aktov [Modality in different types of speech acts]. NDVSh, Filologicheskie nauki, Moscow, 1987, no.2, pp.64-68.
3. Valgina N.S. Teorija teksta [Text theory]. Moscow, 2003. 279 p.
4. Vinogradov V.V. O kategorii modal'nosti i modal'nyh slovah v russkom jazyke [About category of a modality and modal words in Russian], Izbrannye trudy, Issledovaniya po russkoj grammatike, Moscow, 1975, pp. 55 -58.
5. Gal'perin I. R. O ponjatii «tekst» [About the concept "text"], Voprosy jazykoznanija, 1974, no 6, pp. 67-72.

6. Orehova E.N. Sub#ektivnaja modal'nost' vyskazyvanija: forma, semantika, funkcii. [Subjective modality of the statement: form, semantics, functions], Avtoreferat dis. ...na soisk. st. dokt. filol. nauk (10.02.19.). Moscow, 2010. 44 p.

7. Orlova, N.A. Rechevoj zhanr «memuary» i ego realizacija v tekstah nositelej raznyh tipov rechevoj kul'tury [Speech genre "memoirs" and its realization in texts of carriers of different types of speech culture]. Dis. ...kand. filol. nauk (10.02.01.), Moscow, 2005. 212 p.

8. Panfilov V.Z. Kategorija modal'nosti i ee rol' v konstituirovanii struktury predlozhenija i suzhdenija [Category of a modality and its role in a sentence structure and judgment institutionalization], Voprosy jazykoznanija, 1977, no 4, pp. 39-52.

9. Panchenko N.N. Kognitivnye kategorii «istinost'» i «dostovernost'»: obwee i razlichnoe [Cognitive categories "validity" and "reliability": the general and various]. Znanie. Ponimanie. Umenie. Nauchnyj zhurnal Moskovskogo gumanitarnogo universiteta, Moscow, 2009, no 1, pp. 132–136.

10. Frajman Ilon. Russkie memuary v istoriko-tipologicheskom osvewenii: k postanovke problem [Russian memoirs in historical and typological lighting: to problem statement]. Available at: <http://www.ruthenia.ru/document/422973.html>, (accessed 25 February 2012).

11. Shajtanov I. O. «Neprojavlennyj zhanr» ili literaturnye zametki po memuarnoj forme [«Not shown genre» or literary notes in a memoirs form]. Voprosy literatury, 1979, no 2, pp. 50–77.

12. Commynes, Ph. de. Mémoires. Livres I–III [Memoirs. Books I–III] Présentation et traduction par Jean Dufournet. Paris, Flammarion, 2007. 452 p.

13. Commynes, Ph. de. Mémoires. Livres IV–VI [Memoirs. Books IV–VI]. Présentation et traduction par Jean Dufournet. Paris, Flammarion, 2007. 560 p.

14. Faguet E. Seizième siècle: études littéraires [Sixteenth century: literary studies], Paris, Lécène, Odin et Cie, Editeurs, 1894. 457 p.

15. Sainte-Beuve C.-A. Causerie de lundi [Chat of Monday], Tom I, Paris, Garnier Frères, Librairies-Editeurs, 1857. 475 p.

ВОСПИТАНИЕ. ОБРАЗОВАНИЕ. ШКОЛА

КАЧЕСТВО ОБРАЗОВАНИЯ КАК ОСНОВНОЕ УСЛОВИЕ СОЗДАНИЯ МИРОВОГО ПРОСТРАНСТВА ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Акмамбетова Марияш Елемесовна, доцент, Астраханский государственный университет, 414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а, e-mail: aktambetova@mail.ru.

Стрелкова Дарья Вячеславовна, студентка, Астраханский государственный университет, 414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а, e-mail: dashaastra@gmail.com.

Статья посвящена процессу формирования единого мирового образовательного пространства посредством интеграции национальных образовательных систем. В ключе вышеобозначенного процесса дискуссионным остается вопрос определения понятия качества образования на современном этапе развития в связи с отсутствием ясности и единого понимания ключевых механизмов структуры образования. Авторами статьи было уделено значительное внимание иноязычной литературе с целью рассмотреть тенденции отношения к качеству образования не только отечественного автора, но и зарубежных исследователей. В качестве методов исследования были применены анализ отечественной и зарубежной литературы и их сравнение.

Ключевые слова: единое мировое образовательное пространство, Болонский процесс, качество образования, глобализация, интеграция в образовании, компетенция, компетентность, кризис образования.

QUALITY OF FORMATION AS A BASIC CONDITION OF CREATION OF WORLD SPACE OF HIGHER EDUCATION

Akmambetova Marijash E., Senior Lecturer, Astrakhan State University, 414056, Russia, Astrakhan, Tatischev st., 20a, e-mail: akmambetova@mail.ru.

Strelkova Darya V., student, Astrakhan State University, 414056, Russia, Astrakhan, Tatischev st., 20a, e-mail: dashaastra@gmail.com.

The article is devoted to the process of world educational space formation by integration of national educational systems. In the sense of what has been marked above at the present stage of educational evolution the issue about definition of the term “quality of education” has been remained controversial yet. It happens because of lack of the one and clear understanding of basic education mechanisms within its structure. The authors of the article pay the most attention to foreign sources to make a point of attitude to “quality of education” not only Russian, but foreign researchers have. The object of the article is world educational space; the subject is quality of education. The authors make a conclusion about inevitability of world educational space formation though it has its pros and cons.

Key words: world educational space, Bologna process, quality of education, globalization, integration in education, competence, competency, crisis in education.

Новые политические, социально-экономические и культурные реалии во всем мире, влияние технологических достижений цивилизации порождают необходимость интеграции отдельных стран в единое образовательное пространство. Единое мировое образовательное пространство, образуясь в ходе процесса глобализации, вызывает споры, одобрение и неприятие. Возникает вопрос: возможно ли интегрироваться национальным образовательным системам, сохранив при этом свои идентификационные особенности? Каким образом будет определяться качество образования в глобальном контексте? Что есть качество в наше время?

В работах Г.И. Ибрагимова подчеркивается, что качество – это мера соответствия установленным нормам, требованиям. Поскольку они изменяются, меняется и содержание понятия «качество» [5, с. 78].